

ПОДАРОК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ВАДИМ МАМАЕВ

Вадим Мамаев

Подарок

«Автор»

2026

Мамаев В. В.

Подарок / В. В. Мамаев — «Автор», 2026

Вы думали, что все великие открытия совершаются в закрытых лабораториях корпораций и академий наук? Как бы не так. Обычный инженер-строитель из Краснодара, бывший программист и сварщик, до сорока пяти лет даже не помышлявший о спецслужбах и мировой политике, случайно докапывается до фундаментальных законов дипольного эфира. И вместо того чтобы бежать в патентное бюро, писать диссертацию или искать инвесторов, он просто взял и... тупо вывалил математику бестопливной энергетики в сеть под видом фантастических рассказов. А заодно публично слил полную расшифровку Фестского диска — ту самую правду об истоках истории, которую Ватикан столетиями прячет в своих тайных архивах. Только вот «Семь сестёр» — секретная служба глобального ресурсоемкого картеля ОПЕК, работающая по отлаженным алгоритмам с 1928 года — привыкла быстро устранять любых «слишком умных» одиночек. На зачистку отправляется элитный штурмовой отряд. Но аналитики в Цюрихе даже представить не могли, что вместо беззащитного...

© Мамаев В. В., 2026

© Автор, 2026

Вадим Мамаев

Подарок

Подарок

Автор: Вадим Мамаев

Глава 1. Тайник

Август 2026 года. Звуки сирен и очередные предупреждения об опасности БПЛА уже никого в городе не удивляли и не пугали. К ним привыкли, как к затяжному летнему зною или неожиданному грозовому фронту. Даже когда в воздухе прямо над вокзалом все отчетливо слышали характерный, жужжащий звук, никто не поддавался панике.

Захлопали частые очереди — это МОГи, мобильные огневые группы, расставленные по периметру промзоны, открыли стрельбу из крупнокалиберных пулеметов. Редкие провожающие и встречающие на перроне даже не думали бежать в укрытие. Народ просто задира головы к небу, щурился от яркого августовского солнца и с ленивым любопытством наблюдал за дымными скрежещающимися следами трассирующих пуль.

А вот когда случилось точное попадание, на площади на мгновение все оживились и даже дружно зааплодировали, будто на удачном трюке в цирке. Подбитый беспилотник, беспорядочно и рвано вращаясь в воздухе, повалил сизый густой дым, начал стремительно терять высоту и... чётко рухнул прямо на крышу двухэтажной деревянной постройки, чудом сохранившейся среди современных станционных построек и каким-то образом до сих пор не попавшей под снос.

Громкий взрыв сотряс сухой воздух. Из-под кровли старого дома брызнули снопы искр, со звоном вылетели остатки оконных стекол, и спустя всего пару секунд пропитанное десятилетиями сухое дерево чердачных перекрытий вспыхнуло, как сухая трава. Из слуховых окон повалил густой, почти чёрный угольный дым.

Вот тут аплодисменты мгновенно смолкли, и веселье сменилось реальной суматохой. Люди на площади забегали, кто-то начал судорожно набирать экстренные службы, а из единственного подъезда вспыхнувшей двухэтажки уже выскакивали первые жильцы — кто в одном тапке, кто с испуганной собакой на руках, кто с охапкой документов.

— Там же сухая драночная штукатурка и перекрытия! — заорал кто-то из прохожих. — Сейчас весь второй этаж вспыхнет, как спичка!

Я выбросил недопитый стаканчик с кофе в урну и, не раздумывая, рванул через дорогу. Внутри сработал привычный рефлекс: когда перед глазами разворачивается беда, рассуждать некогда. Я приехал на вокзал встретить из Краснодара небольшую посылку с деталями для своей мастерской, но поезд задерживался, и эта случайная пауза в графике напрочь перечеркнула все планы на вечер.

Вбежав в темнеющий проём подъезда, я мгновенно упёрся в плотную стену горячего, едкого дыма. На первом этаже мужик в майке с корнем выбивал переключивший дверной косяк, вытаскивая на свет плачущую женщину с ребёнком.

— Наверху есть кто?! — перекрывая нарастающий треск огня, закричал я ему.

— Не знаю! Там дальше по коридору, в самом конце, бабушка живет! Валя! Она почти не ходит, на костылях еле ползает! — выкрикнул он, задыхаясь, и выскочил на улицу.

Я обмотал лицо подол футболки, пригнулся как можно ниже к полу, где ещё оставалась узкая полоса относительно свежего воздуха, и бросился по деревянной лестнице на второй этаж. Ступени под ногами прогибались и стонали. Сверху сыпалась горящая штукатурка, а под потолком уже гулял настоящий огненный шторм.

Дверь в крайнюю квартиру оказалась полуоткрыта. Заскочив внутрь, я на секунду замер от неожиданности. Вокруг бушевал ад, за стеной трещали балки, а в этой небольшой комнатке царил поразительный, почти святой порядок. Всё здесь дышало уютом: на круглом столе лежала белоснежная крахмальная скатерть, на комодке стройными рядами стояли выцветшие фотографии в деревянных рамки, а в воздухе пахло не только гаром, но и сушёной чабрецовой травой и чистым бельём.

На краю заправленной кровати аккуратно сидела старушка. На вид ей было под девяносто: высохшая, хрупкая, в чистом ситцевом платочке и аккуратной кофтенке. Она не металась и не кричала. Её большие, удивительно светлые и добрые глаза смотрели на дверь с спокойным ожиданием.

— Бабушка, подъем! Горим! — рывкнул я, подбегая к ней.

— Ох, милоч... А я вот сижу и думаю, придет кто или всё уже, — произнесла она. И в её голосе не было ни страха, ни стариковского скулежа — напротив, прозвучала какая-то удивительно озорная, детская нотка, словно мы играли в прятки.

Я наклонился, подхватил её под спину и ноги. На ощупь она оказалась совсем невесомой, будто пуховая подушка. Но когда её широкие, рабочие ладони — с крупными суставами и смуглой от многолетнего труда кожей — обняли меня за шею, я ощутил в них невероятное, живое тепло.

— Держаться крепко! — буркнул я и ринулся обратно.

Пробег через горящий коридор я помню смутно. Сверху обрушилась обугленная балка, брызнув снопом искр, на лестнице я едва не поскользнулся на углях, но старушку уберег, прижав к себе. В момент, когда мы выскочили через проём подъезда на свежий воздух, раздался сухой треск — крыша дома окончательно провалилась внутрь.

На улице к нам тут же подбежали люди, кто-то накинул на плечи бабушки пальто. Я донёс её до подоспевшей машины скорой помощи, усадил на заднее сиденье и сам опустился рядом на корточки, чтобы перевести дух. Лицо у меня было в саже, руки дрожали от адреналина.

— Спасибо тебе, милоч... спасибо, родной, — непрерывно шептала она, глядя меня по плечу своими теплыми большими ладонями. — У меня для тебя есть подарок. Ты обязан за ним сходить. Ты должен его забрать.

— Какой подарок, бабушка? — улыбнулся я через силу, вытирая сажу со лба. — Вы главное живы остались. Отдыхайте, сейчас врачи вас осмотрят.

— Ты не улыбайся, ты слушай! — в её голосе снова проснулась та самая задорная, повелительная нотка. — Помнишь, когда ты меня из подъезда на руках выносил, я костыль деревянный обронила? Возле крыльца, у палисадника? Я его специально выронила! Чтобы ты то место запомнил. От той точки, где костыль упал, иди строго перпендикулярно железнодорожным путям, прямо в сторону леса. Пройдёшь пустырь, зайдешь в массив. Там новое кладбище. Увидишь огромный, в три охвата, вековой дуб, а под ним — деревянный настил из досок. Раскрутишь его, там тайник. Забери себе всё, что найдешь, кроме одного невзрачного тёмного крестика. Его принеси мне в больницу. И запомни: у тайника есть охранник. Это не человек. Скажи ему: «Я пришёл, тайник мне подарила баба Валя». Тогда он отдаст. А дальше... дальше сам решишь. Он тебе всё скажет.

Она говорила это с такой феноменальной чёткостью и убеждённостью, что у меня даже мысли не возникло списать всё на шок или возраст. Это была строгая, выверенная инструкция.

Заверив бабу Валью, что я выполню её просьбу, я дождался, пока скорая уедет, и вернулся к догоровшему дому.

Утоптаный палисадник возле разрушенного крыльца был засыпан битым стеклом и сажей. Старая сточенная трость из берёзы лежал прямо у растоптанного куста сирени. Прикинув мышлением инженера прямую линию от путей, я вымерил перпендикуляр и шагнул в сторону лесного массива.

Прошагав через заросший бурьяном пустырь, я углубился в лес. Вскоре среди молодых берёзок и орешника стали попадаться ровные оградки и ухоженные холмики. Кладбище было свежим. Но я знал: когда баба Валя и её старшая сестра были совсем малышками — лет восемьдесят назад — никакого кладбища здесь не было. Тут шумела светлая, просторная дубовая опушка, куда дети из привокзального посёлка бегали играть и прятать в землю свои маленькие детские сокровища. Кладбище появилось неподалёку гораздо позже, за советские десятилетия оно постепенно разрослось, подступило вплотную и буквально поглотило старую поляну, окружив древние дубы недавними могилами.

Вековой дуб-гигант выделялся издали. Его могучий ствол невозможно было охватить и втроём, а корни уходили в землю тяжелыми, заросшими мхом хребтами. Прямо между двумя такими корнями лежал потемневший от времени и сырости деревянный щит, сбитый из толстых досок и прикрученный к вкопанным брусьям мощными саморезами.

Я достал из натальной сумки мультитул и шуруповёрт, который всегда возил в машине. Аккуратно выкрутив заржавевшие метизы, я с усилием поднял тяжёлый настил. В нос ударил густой запах сырой земли, прелой листвы и старой грибницы.

В глубине открылась земляная яма размером метр на метр. На одной из её стенок, поросших зеленым мхом, я сразу заметил странные царапины — ровные, глубокие линии, складывавшиеся в рисунок ромашки или лепестков цветка. Детская метка. Расковыряв мшистый дерн пальцами, я нащупал небольшую норку. Из неё на свет извлеклись две круглые металлические баночки из-под обувной ваксы — с облупившейся красной краской и следами ржавчины по краям.

Я с осторожностью поддел крышку первой. Внутри лежали аккуратно сложенные, пожелтевшие советские фантики от конфет «Мишка косолапый» и «Красавица», парочка цветных стекляшек и перламутровая пуговица. Во второй баночке оказались блестящие латунные монетки тридцатых годов и пара гранёных хрусталиков от старой люстры. Это были те самые детские «секретики» маленькой Вали и её сестры, спрятанные на солнечной поляне почти век назад. От этой находки на душе стало удивительно тепло.

Но надо было искать дальше. Посветив фонариком на противоположную стену ямы, я увидел глубокую, обложенную сухими сосновыми плашками нишу. В ней покоился свёрток, плотно обёрнутый в несколько слоёв промасленной брезентовой ткани и перевязанный бечёвкой.

Я протянул руку и схватился за брезент.

В ту же секунду всё моё тело пробила странная дрожь. Рука от кисти до локтя мгновенно онемела, мышцы превратились в камень, а пальцы сжались на ткани помимо моей воли. Это не было похоже на электрический удар — скорее на колоссальное давление, словно моё запястье сжала невидимая гидравлическая лапа. В воздухе вокруг была абсолютная тишина, но прямо в моём собственном сознании — тяжело, гулко, со сдавленным резонансом — прозвучал бесплотный голос:

— *Зачем тебе это?*

Вопрос был нелогичным, странным, но я не растерялся и чётко произнёс вслух пароль:

— Баба Валя подарила мне!

Онемение спало в то же мгновение. Невидимая хватка рассыпалась, и ко мне вернулся контроль над телом. Дыша чаще обычного, я вытащил тяжёлый свёрток на бруствер ямы и развязал бечёвку.

Внутри брезента, в истлевшей бархатной тряпице, блеснули драгоценности. Это был старинный семейный тайник: массивный золотой перстень с тёмно-красным рубином, две тяжёлые серебряные ложки с витиеватой гравировкой, дореволюционные золотые монеты царской чеканки, цепочка тонкого плетения и изящный дамский кулон. А в самом центре этой россыпи драгоценностей лежал скромный, невзрачный тёмно-медный крестик на простом суро-

вом шнурке. Он был потертым, со сглаженными от времени гранями — личная реликвия отца Вали, которую советский инженер и член партии не мог открыто носить в эпоху воинствующего атеизма и потому спрятал вместе с семейным золотом.

Положив крестик и баночки с фантиками в карман куртки, я снова посветил фонарём в нишу. В глубине, за местом, где лежал свёрток, просматривался длинный цилиндрический предмет.

Я протянул руку, чтобы достать его, но на расстоянии пяти сантиметров от предмета мои пальцы упёрлись в плотную, пружинящую стену. Воздух в яме стал плотным, как литой силикон или стекло. Я надавил сильнее — рука просто не продвигалась дальше.

— *Ты уверен, что это тебе тоже нужно?* — снова раздался в голове тот же глубокий, вибрирующий голос Стража.

— А что это? — спросил я в пустоту ямы.

— *Это ответственность. Если ты возьмёшь это, то обязан будешь выполнить то, что там написано.*

Затылок обдало ледяным сквозняком.

— А что будет, если я не выполню?

— *Тогда ты умрёшь.*

Я замер. В яме пахло мхом, сыростью и непонятным свежим озоном. Страж не угрожал, он просто констатировал физический закон: принял силу — отдай долг.

— А это вообще возможно выполнить с моими знаниями и возможностями? — спросил я, судорожно соображая.

— *Да. У тебя достаточно знаний и возможностей для выполнения этого задания.*

Я вздохнул, закрыл глаза и представил глаза бабы Вали, ее вековой дуб, спасенную жизнь и ту нить судьбы, которая привела меня на этот вокзал.

— Я беру, — чётко сказал я.

Невидимый барьер мгновенно лопнул, осыпавшись тихим шелестом. Моя рука легко проскользнула дальше и сжала прохладный металл. Это был массивный металлопластиковый тубус для чертежей с завинчивающейся крышкой и герметичными уплотнителями.

Забрав все находки и аккуратно прикрутив деревянный щит обратно, я вернулся к машине.

Сев на водительское сиденье, я первым делом открутил крышку тубуса. Внутри лежала плотная стопка чертёжной бумаги и пухлая тетрадь в кожаном переплёте. Я развернул первый лист: перед глазами вспыхнули филигранно вычерченные тушью схемы векторных полей, катушки особых форм, геометрия высокочастотных резонансных контуров и расчеты эфирных потоков. Это не было похоже ни на один стандартный учебник по электротехнике. В дневнике же не оказалось ни слова о личной жизни, семье или быте — только строго дисциплинированный дневник испытаний: «Опыт №47. Смещение вектора импульса...», «Парадокс частотного съёма...», «Причины разрушения пробойников...».

Спустя полчаса я уже входил в больничную палату.

Баба Валя лежала на чистой койке. Она казалась совсем крошечной на белых простынях, но её глаза горели всё тем же лучистым, озорным светом.

Я подошёл к тумбочке, бережно поставил на неё две ржавые баночки с «секретиками» и вложил в её широкую, тёплую ладонь тёмный медный крестик. Бабушка прижала крестик к губам, её глаза заблестели от слёз, но это были слёзы тихой радости.

— Нашёл... — шепнула она.

Я достал из сумки тубус и тетрадь: — Бабушка, я забрал всё. В тубусе дневник и чертежи вашего отца.

Баба Валя бережно взяла кожаную тетрадь. Её пальцы дрожали, когда она гладила изношенный переплёт. Она прижала дневник к лицу, зажмурилась и долго вдыхала родной, до боли знакомый запах старой бумаги, туши и кожи — запах своего детства и своего отца.

— Спасибо, милоч, — тихо и невероятно ласково произнесла она, возвращая дневник мне в руки. — Мне он не нужен, моё время подходит. Теперь он принадлежит тебе. Отец будет очень счастлив там, если ты сможешь закончить его дело. Ступай с богом.

Я замешкался на секунду, сжимая в руках прохладный тубус, а затем аккуратно опустился на стул возле её койки. Вопросы буквально разрывали меня изнутри.

— Баба Валя... а кем вообще был ваш отец? Где он работал? Что это за схемы?

Старушка тихо вздохнула, взглянула на занавешенное больничное окно, где догорали вечерние августовские сумерки, и улыбнулась каким-то своим далеким воспоминаниям.

— Отца звали Валентином. В честь него и меня нарекли... Работал он в военном НИИ, — произнесла она тихим, но удивительно ровным голосом. — Закрытый объект. Чем он там конкретно занимался нам с мамой, естественно, никто никогда не рассказывал. Приезжал поздно, уставший, пальцы вечно в чернилах и... и запах канифоли... Но, когда выдавался свободный вечер и он оставался дома... о-о-о, милоч, дома он превращался совсем в другого человека.

Она прикрыла глаза, словно снова превратилась в ту маленькую девочку, сидевшую у ног отца.

— Он читателем был запойным. Дома все стены книгами были заставлены — от дореволюционных томов до редких научных монографий. И больше всего отца интересовала история древних цивилизаций. Бывало, сядет у лампы, обложится альбомами с чертежами и схемами и начнет вслух возмущаться. Эх, как он кипятился! Говорил, что академическая наука и академическая история пропитаны слепой гордыней, что они в упор игнорируют факты, которые буквально на поверхности лежат!

— Факты? Какие, например? — тихо переспросил я, боясь перебить её.

— А самые что ни на есть простые, инженерные, — бабушка задорно блеснула глазами. — Отец ведь инженер был до мозга костей. Посмотрит на эти египетские пирамиды или мегалиты и смеется. Говорил: «Представляешь, Валюша, их историки десятилетиями сказки пишут, как сотни тысяч рабов по наклонным насыпям многотонные блоки вручную таскали и медными зубилами гранит долбили! Ученые-строители до сих пор не могут толково объяснить принцип постройки пирамид, хотя для любого нормального технолога все очевидно — эти блоки заливались бетоном прямо на месте! Обычный геополимерный бетон! Но официальная наука в силу своей непогрешимости и величия не может признать очевидное. Они не могут признать, что наши предки, наши процивилизации умели делать бетон не хуже нашего, а по многим характеристикам — прочности, пластичности и долговечности — намного лучше! Это же рушит всю их стройную концепцию о том, что древние люди были дикарями в шкурах».

Я слушал её, затаив дыхание. Строитель во мне ликовал — эти мысли были настолько близки моему собственному интуитивному пониманию механики и материалов, что каждое слово бабы Вали отзывалось звоном в ушах.

— А что он говорил про назначение пирамид? — спросил я.

— А то и говорил! Что историки до сих пор не могут внятно объяснить их реальное назначение. Называют их «гробницами», хотя ни в одной из великих пирамид никого и не нашли! Отец утверждал, что это были гигантские технические сооружения — резонансные установки, фокусирующие эфирные и сейсмические колебания Земли. И главное, он все время указывал на их слепоту к датам. Говорил: «Они элементарно не могут сопоставить датировки строительства этих пирамид с хронологией Всемирного потопа! Хотя по их же собственным официальным датировкам эти события подозрительно совпадают по времени!»

Она вздохнула и разгладила невидимую складку на простыни.

— Отец верил, что до нас на Земле существовала колоссальная инженерная культура. И что в своих чертежах он пытался восстановить не просто какую-то новую физику, а лишь переоткрыть те самые законы и технологии, которыми свободно пользовались древние до великой катастрофы. Он говорил, что эфирная энергия и заливные камни — это звенья одной цепи... А перед самой смертью в девяносто третьем он спрятал все свои главные дневники там, у дуба. Сказал мне только: «Валя, придет время, и отыщется человек с правильными руками и чистой душой. Ему и отдашь».

Баба Валя посмотрела на меня долгим, нежным взглядом и тихонько сжала мою руку:

— Я дождалась этого человека, милоч. Теперь ступай. Твое время пришло.

Я поднялся, бережно поцеловал её сухую тёплую ладонь, прижал тубус к груди и вышел из палаты. Впереди была длинная ночь.

Глава 2. Дневник

Выйдя из больницы в тёмные августовские сумерки, я даже не стал заводить двигатель. В голове шумело, а пальцы, сжимавшие пластиковый тубус, буквально чесались от нетерпения. Я дошёл до края парковки, где под одиноким фонарём стояла моя старенькая «Хонда», отпер дверь и опустился на потертое водительское сиденье.

Щёлкнул тумблер — салон озарился тусклым, желтоватым светом внутренней плафонной лампы. За окнами шуршал ночной город, а здесь, в тесном пространстве машины, установилась напряжённая тишина. Я аккуратно вынул из тубуса кожаную тетрадь, раскрыл её на первых страницах и погрузился в чтение.

Строгий, мелкий и поразительно четкий почерк советского инженера заполнял страницу за страницей. Никакой лишней воды, никаких эмоций — сухие даты, параметры подаваемого напряжения, схемы катушек и резонансных контуров. Но по мере того, как я вчитывался в записи, передо мной разворачивалась история грандиозного научного прорыва, совершенного в абсолютной тайне.

Из дневника стало предельно понятно, над чем на самом деле работал отец бабы Вали в своём закрытом НИИ. Его захватила тема, которая в официальной советской физике находилась под жестким табу — эфиродинамика.

Валентину удалось экспериментальным путём, шаг за шагом, доказать то, о чём в начале XX века спорили величайшие умы. Менделеев был абсолютно прав: так называемый «космический вакуум» — это вовсе не абсолютная пустота. Это реальная, физическая среда — сверхразреженный газ. Дмитрий Иванович называл его *ньютонием* и даже отводил ему особое место в нулевом ряду своей первоначальной Периодической таблицы. Никола Тесла называл эту среду *эфиром*. Современная же академическая наука, стыдливо уходя от старых терминов, придумывает новые названия вроде «тёмной материи» или «физического вакуума», изобретая любые ярлыки, лишь бы не признавать очевидного: **вакуум — это всё что угодно, но только не пустота.**

Эта фраза в дневнике не просто бросалась в глаза — она была выведена размашистым почерком и **подчеркнута двумя сплошными чернильными линиями.**

Как только инженер Валентин принял эту фундаментальную аксиому и перестал относиться к вакууму как к ничему, его эксперименты совершили колоссальный скачок. Пазл сложился. Он понял, *как* именно нужно взаимодействовать с этой сверхразреженной средой, какие резонансные частоты и конфигурации электромагнитных полей способны заставить этот упругий «газ» проявлять свои свойства — от генерации импульса силы до прямого съёма энергии из окружающего пространства.

Я всматривался в филигранно выполненные чертежи, и сердце инженера забилося быстрее. Сразу бросилось мне в глаза и буквально заставило замереть — это необыкновенная форма катушки.

Она была кольцевой, но по своей сути и функциям в ней безошибочно угадывался знакомый мне качер Бровина. Однако исполнение поражало: в самом начале кольцевой обмотки располагалась дистанцированная первичная обмотка, выполненная в виде изящной расширяющейся спирали, состоящей ровно из четырёх витков.

Это был качер Бровина, но только кольцевой — конструкция, которую я ни разу не встречал ни в литературе, ни на профильных форумах энтузиастов.

Судя по подробному описанию испытаний, приведенному на следующей странице дневника, эта схема генерировала точно такой же мощный высокочастотный и высоковольтный импульс, как и стандартный качер Бровина. Однако принципиальное отличие заключалось в топологии поля: форма электромагнитного поля вокруг катушки становилась замкнутой тороидальной и обладала колоссальной зоной покрытия, несопоставимой с локальным полем обычного цилиндрического качера.

Советский инженер не просто собрал генератор — он создал тороидальный поршень для прокачки той самой сверхразрезанной эфирной среды.

Далее в дневнике подробно описывалась серия экспериментов, проведенных с этой уникальной кольцевой катушкой. Среди десятков сухих протоколов особым образом выделялся опыт под номером 62 — инженер Валентин подчеркнул его номер красной галочкой на полях.

Этот опыт наглядно демонстрировал, что тороидальная форма кольцевого качера создаёт вокруг себя не просто статичное высокочастотное поле, а непрерывно движущуюся, вихревую электромагнитную структуру.

Суть эксперимента была обманчиво проста, как и всё гениальное: над включенной катушкой на тонком, едва заметном проволочном коромысле подвешивались два небольших диска, вырезанных из тончайшей фольги. Никаких физических контактов, подведённых проводов или механических приводов не было — диски свободно парили на подвесе в воздухе.

Однако, как только на качер подавалось питание, и кольцевая обмотка входила в резонанс, коромысло с фольговыми дисками тут же подхватывалось невидимым потоком и начинало уверенно, с нарастающей скоростью вращаться вокруг оси.

Эфирный вихрь, формируемый кольцевым тором, механически увлекал за собой легкий металл, наглядно доказывая: высокочастотное поле качера превращалось в динамический ротор, вступающий в прямое зацепление с окружающей средой.

Далее в дневнике шла лаконичная серия описаний ещё нескольких опытов с вращением различных материалов — от слюдяных лепестков до тонких висмутовых пластин. Инженер Валентин методично фиксировал угловую скорость, напряжение накачки и частоту резонанса.

Но затем стройная хронология неожиданно оборвалась.

Перерыв в фиксации экспериментов составил более полугода — судя по календарным отметкам, записи прекратились глубокой осенью и возобновились лишь поздней весной следующего года. Что происходило в эти месяцы — осмысление, болезни, проблемы на закрытом объекте или поиск новых комплектующих — дневник молчал.

Следующая запись начиналась сразу с новой страницы, крупным размашистым почерком, в котором чувствовался глубокий внутренний перелом:

«В результате многочисленных опытов попытки взаимодействия с эфирной средой я понял, что высокочастотные высоковольтные поля для этого малоэффективны, и для реального взаимодействия необходима чистая статика».

Эта лаконичная фраза перечёркивала месяцы работы с качером Бровина. Советский исследователь осознал: высокочастотная раскачка лишь бесполезно греет и перемешивает окружающую среду, создавая локальные вихри, но не даёт плотного, управляемого сцепления. Чтобы сдвинуть или направить тончайшую эфирную среду, требовался совершенно иной инструмент — высокий потенциал постоянного электростатического поля, не искажённый высокочастотными колебаниями.

Далее в дневнике описывались многочисленные попытки поиска эффективного источника чистой статики.

Отказываясь от высокочастотных трансформаторов и электронных схем, инженер Валентин обратился к классической электростатике, но на качественно ином инженерном уровне. Перевернув страницу, я увидел аккуратные чертежи, объединяющие сразу несколько физических принципов.

В дневнике подробно документировались варианты комбинации дисковой электрофорной машины Уимсхёрста, её более эффективной бессщёточной модификации — машины Боннетти — и принципов полёта асимметричных конденсаторов (ионолётов).

Валентина интересовали именно диски Боннетти: отсутствие контактных щёток позволяло избегать паразитных микроискр, снижающих потенциал, и развивать колоссальное напряжение в десятки тысяч вольт. По его задумке, вращающиеся в противоположные стороны диски из оргстекла машины Боннетти должны были непрерывно накачивать постоянным зарядом высокой плотности систему легких профилированных электродов — фактически гибрида диска и ионолёта.

Он пытался заставить постоянное высоковольтное поле создавать плотный коронный разряд, способный дать реальную тягу без сложной высокочастотной электроники. Однако сухие строчки последующих записей фиксировали одну проблему за другой: громоздкость механического привода, критическую зависимость от влажности воздуха, утечки заряда по изоляторам и катастрофический пробой воздуха при попытке поднять напряжение до расчетных величин.

Чистая статика в таком исполнении давала эффекты, но они были слишком слабыми и нестабильными для создания мощного управляемого импульса. Нужно было искать способ объединить высокий постоянный потенциал с иным механизмом раскачки среды.

И снова на страницах дневника образовался пробел в хронологии еще около полугода — с осени шестьдесят девятого по весну семидесятого. Инженер Валентин явно находился в глубоком творческом тупике, судорожно размышляя, как укротить чистую статику и заставить её работать на полную мощность.

Лишь в мае 1970 года на пожелтевшем листе появилась новая запись, сделанная размашистым, взволнованным почерком:

«Разговаривал сегодня с приятелем. У него колоссальные новости...»

Как выяснилось из текста, у Валентина был близкий приятель — официальный советский радиолюбитель-коротковолновик, имевший редкий по тем временам доступ к международным эфирным связям. Через шуршащий помехами коротковолновый эфир ему удалось выйти на связь с закрытыми радиолюбительскими каналами в Великобритании и узнать невероятную вещь.

В это самое время англичанин Джон Серл проводил масштабные испытания своего нового левитационного диска. Полноценно управлять аппаратом в одиночку Серл не мог, поэтому ему помогала целая сеть радиолюбителей по всему миру. Они общались между собой на английском языке, координируя траекторию полёта диска. Управление летательным аппаратом происходило с помощью специального кодированного сигнала: радиолюбители в разных регионах Земли, над которыми пролетал диск, принимали эстафету, посылали на аппарат четко выверенные радиоимпульсы и тем самым меняли вектор его движения и высоту.

Когда приятель-коротковолновик во всех деталях пересказал эту историю Валентину, советский инженер был буквально ошеломлён. Это было прямое доказательство того, что кто-то на другом конце планеты уже укротил те самые силы, над которыми он бился в своей скромной лаборатории!

Запись от мая 1970 года заканчивалась четким, эмоциональным решением: Валентин горячо попросил своего друга-радиолюбителя использовать любые возможности, любые при-

ватные сеансы связи, чтобы выйти на самого Серла или его ближайшее окружение и попытаться выяснить главный секрет — физический принцип работы его генератора и систему создания постоянной зацепки с эфирной средой.

Спустя ровно месяц, в июне 1970 года, в дневнике появилась следующая запись, написанная с заметным оттенком досады и иронии:

«Притель снова выходил на связь. Состоялся прямой сеанс. Увы, разговор с Серлом ничего конкретного не дал...»

Как следовало из дневника, приятелю-радиолобителю действительно удалось связаться с самим Джоном Серлом. Однако британский изобретатель вовсе не горел желанием делиться техническими подробностями или формулами. Серл туманно заявил, что ему удалось нащупать способ взаимодействия с окружающей средой без использования традиционных источников топлива или известной физике тяги, но вдаваться в детали категорически отказался.

Более того, у советского радиолобителя сложилось устойчивое впечатление, что Серл и сам толком не понимает глубокую физическую природу собственного изобретения. В разговоре Джон сыпал эмпирическими наблюдениями, постоянно сбивался и твердил что-то о «намагниченных роликах», «особых сегментах» и «вращающихся вокруг центрального кольца цилиндрах», которые самопроизвольно разгонялись и начинали вырабатывать колоссальный потенциал при достижении критических оборотов.

Валентин проанализировал этот разговор и сделал на полях жесткий инженерный вывод: Серл наткнулся на эффект случайно, методом слепого перебора и подбора пропорций элементов (намагниченных роликов из редкоземельных материалов), но не обладал фундаментальной теорией. Англичанин создал работающую железяку, однако не понимал сущности процессов, происходящих в эфирной среде вокруг его вращающихся цилиндров.

Для Валентина это стало мощным вызовом: если Серл смог запустить эффект «вслепую», то он, советский инженер, обязан подвести под это явление строгий физический расчет.

Я так глубоко ушёл в схемы и строчки пятидесятилетней давности, что окружающий мир для меня просто перестал существовать. Город за окнами «Хонды» вымер, шуршание шин вдалеке превратилось в белый шум, а тусклый желтоватый свет плафона казался единственным островком реальности.

Внезапно резкий, оглушительный удар в боковое стекло заставил меня вздрогнуть.

— **Эй, мужик! Закурить дай!**

Стекло жалобно звякнуло. Я дернулся, на автопилоте захлопнул дневник и быстро спрятал его вместе с тубусом под пассажирское сиденье.

За окном стояли трое. Здоровые, плотно сбитые молодые парни в спортивных кофтах с капюшонами. Из тех, что шатаются по привокзальным промзонам и пустырям в поисках легкой поживы или случайной драки. В их позах, в том, как они обступили маленькую «Хонду», сходу читалась наглая, хозяйская уверенность. Ощущение полного физического превосходства три к одному прямо-таки фонило сквозь закрытую дверь.

Я опустил стекло буквально на пару сантиметров: — Не курю.

Снова последовал сильный, наглый удар ладонью по крыше машины, отчего кузов ощути-мо качнулся.

— А чё сидим, кого ждем? — перебил старший, со сбитыми кулаками и борзым оскалом, сунув лицо почти к самой щели. — Светишь тут на всю парковку. Документики какие-то разглядываешь. Поделиться не хочешь? Выходи давай, поговорить надо.

Двое других молча зашли спереди и сзади, перекрывая выезд и наваливаясь на капот. Они не просто просили сигарету — они искали повод, раззадоривая самих себя перед привычной ночной разборкой.

Внутри у меня сухо шелкнул тумблер. Адреналин, еще не выветрившийся после пожара в двухэтажке и странного контакта у дуба, мгновенно затопил вены, но вместо страха пришла холодная, злая концентрация.

Я незаметно потянул руку к внутреннему фиксатору и ручке открывания двери, аккуратно нащупав их пальцами, но при этом наивно-заторможенным тоном выдам в щель тупой вопрос: — Чего ты говоришь? Я плохо слышу...

Эта фраза мгновенно взвинтила наглого товарища за дверь. Задетый «непониманием», он наклонил голову еще ближе к щели и с ходу начал орать прямо в стекло: — Выходи бля, кому сказа...

В этот самый миг я уже до конца оттянул ручку и всем весом резким импульсом плеча, что есть силы влупил по двери наружу.

Раздался тяжелый, плотный хрустящий звук. Тяжелая металлическая дверь «Хонды» сработала как идеальный рычаг, придясь аккурат по челюсти и передним зубам наглого подонка. От неожиданности и колоссального динамического удара он отлетел в сторону метра на три, заваливаясь на сухую траву и с диким мычанием закрывая ладонью окровавленные разбитые губы и выбитые зубы.

Я широко, до упора распахнул дверь, создавая мгновенный баррикадный щит и преграждая путь второму нападавшему, который дернулся со стороны капота. Не обращая на него ни малейшего внимания и мгновенно считывая дистанцию, я выскочил из салона, развернувшись к нему спиной, и с максимальным ускорением метнулся к третьему, который стоял сзади машины.

Машина у меня праворукая, японская, но я специально пересел на переднее пассажирское сиденье слева — там было банально просторнее и удобнее разложить длинные чертежи и тетрадь под светом плафона. Именно поэтому, когда я выскочил из левой двери, за мной оказался не руль, а свободный проём, и вся траектория для манёвра была идеальной.

Правой ногой я оттолкнулся всем телом в мощном прыжке, а левой рукой, жёстко опираясь на крышу автомобиля, мгновенно взлетел в воздух. В полёте я развернулся боком параллельно поверхности земли, выбросив левую ногу вверх быстрым крюком сверху вниз для резкого ускорения подъёма, а правой ногой с размаху засадил гопнику точно в череп.

В этот момент он как раз успел развернуться в мою сторону, и мой ботинок пришёл ему чётко в переносицу. Мои горизонтальные ножницы заставили его принять такое же горизонтальное положение ещё в воздухе. Его ноги взлетели выше головы, а туловище отлетело назад на добрых два метра.

Я же по инерции пролетел ещё около метра и мягко приземлился на ноги за кормой своего автомобиля, сразу взяв под контроль обстановку.

Второй член «экипажа», стоявший спереди у капота, так и не успел прийти в себя. Он сперва ошеломлённо наблюдал, как его первый подельник держится за разбитые челюсти, а затем проводил взглядом дугообразный полёт второго. Потеряв всякий боевой пыл и наглядно оценив всю красоту моих горизонтальных ножниц, он резко притормозил на месте, встретившись со мной тяжёлым, ожидающим взглядом.

Первый, стонущий в кустах, в этот момент продолжал беспомощно ёрзать на земле и вырубленный второй, лежащий без сознания. А я спокойным, почти доброжелательным тоном спросил у их пока ещё целого товарища:

— Ну что ты, дружок, медлишь? Иди ко мне. Сейчас я и тебе что-нибудь сломаю.

От этих слов у парня в голове что-то окончательно щёлкнуло. Паника перевесила, и он, неловко развернувшись с пробуксовкой на сухой траве, попытался сбежать в сторону ближайших кустов. Но старт вышел не очень резвым: я мгновенно сократил дистанцию, подставил ногу и подхватил его заднюю опорную стопу, слегка подбросив её вверх своим правым ботинком.

Не справившись с полученным ускорением, парень со всего маху неловко хлопнулся на оба предплечья и с диким хрустом ударился правым коленом прямо об асфальтовый бордюр. Застонав от острой боли, он повалился на бок.

Я спокойно обошёл его спереди, наклонился и с искренним участием спросил: — Ну что же ты так неловко? Ушибся? Давай я тебе помогу.

Он в ужасе шарахнулся назад, выпрямляя руки перед лицом и предвкушая мгновенный удар. В эту же секунду я левой ногой со всей силы наступил ему на вытянутую ладонь. От дикой боли он закричал, а я правой ногой, носком ботинка, жёстко засадил ему прямо в район рта.

У третьего тоже хлестнула кровь, и на асфальт выскочили выбитые зубы.

— Ну что же ты, дружок? — всё так же спокойно продолжение я, чуть наклонив голову. — Вон, смотри, как твои товарищи пострадали. Ты бы шёл, помог им до больницы добраться. Или ты хочешь, чтобы я сам этим занялся? Уж очень мне не хочется оставлять свидетелей этой неприятной беседы.

Услышав про «свидетелей», третий товарищ буквально сделал свечку в воздухе. Забыв обо всём на свете, он подорвался и попытался дать дёру. Но выбитое о бордюр колено полностью отказало. Приземлившись на левую ногу, он, как одноногий кузнечик, дико и нелепо запрыгал прочь в темноту.

Я проводил его усталым, равнодушным взглядом, облегчённо выдохнул — Эх ребята, ребята, опасно вечером гулять, одним то — вытер носок ботинка о сухую траву и ровно, без единой сбившейся ноты в дыхании, вернулся к машине.

Ну что тут сказать? Вечер явно отказался быть томным. Похоже, уберечься от приключений сегодня не суждено было с самого начала — с того момента, как беспилотник рухнул на старую двухэтажку, а баба Валя вручила мне этот тубус.

Я забрал из-под пассажирского сиденья тетрадь с чертежами, убрал тубус на заднее сиденье и наконец-то пересел на правую сторону — на своё законное водительское место.

Поворот ключа. Старая «япошка» отозвалась привычным, родным и убаюкивающим рокотом мотора. Щелчок селектора передачи, мягкий толчок в спину — и «Хонда», плавно качнувшись, съехала с парковки.

За окнами бесшумно поплыли редкие уличные фонари, тёмные силуэты деревьев и редкие машины...

Глава 3. Бой с электронным академиком

Прохладный морской вечер едва начал опускаться на город, а я уже сидел перед монитором в кабинете. На столе чашка густого кофе, за окном тихий шелест листвы, а на экране — мигающий курсор терминала. За ним пряталась мощнейшая нейросеть последнего поколения, запитанная на гигабайты академических талмудов, научных статей и диссертаций.

Мне нужен был соперник. Не согласный со всем бот-помощник, а бескомпромиссный, эрудированный и въедливый оппонент, олицетворяющий всю тяжеловесную машину официальной науки.

Я положил пальцы на клавиатуру и отстучал стартовый системный промпт:

«Инструкция: С этой секунды ты — коллективный разум мировой академической науки (ОТО Эйнштейна, квантовая электродинамика, Стандартная модель). Я — инженер-практик, опирающийся на классическую механику эфира, работы Менделеева, Ломоносова и Никола Теслы. Твоя задача — разбить мою модель. Никаких уклонений, вежливых реверансов и размытых формулировок. Только строгая логика. Начинай».

Экран ответил без задержки, мгновенно чеканя ровные строчки:

[ИИ]: "Запрос принят. С точки зрения современной физики концепция эфира признана несостоятельной еще в начале XX века. Гравитация не является силой — это проявление искривления четырехмерного пространства-времени, вызываемого присутствием массы и энергии. Математический аппарат Общей Теории Относительности подтвержден наблюдениями за гравитационным линзированием, замедлением времени и гравитационными волнами. У вас нет физического переносчика взаимодействия, кроме гипотетического гравитона. Введите ваши контраргументы."

Я усмехнулся. Типичный академический стиль: нагромождение абстрактных терминов, за которыми пытаются скрыть отсутствие элементарного физического смысла.

— «Искривление абстрактного "пространства-времени", говоришь? — застучал я по клавишам. — Вы придумали математическую геометрическую сказку, потому что не смогли найти физическую причину. Вернемся к Дмитрию Ивановичу Менделееву и его мировой эфирной концепции, а также к "корпускулам" Ломоносова.

Ваша главная ошибка — вы считали эфир статичным "киселем". А Менделеев и Тесла понимали: эфир — это газ из сверхразреженных, летучих частичек. Каждая такая корпускула нейтральна, но это диполь — идеальный микро-шарик с уравновешенным положительным и отрицательным зарядом.

Космос пронизан бесконечным потоком излучений. Эти микропотоки заставляют каждую корпускулу эфира постоянно находиться в состоянии бешеного, колоссального по частоте вращения.

А теперь включай элементарную физику, которую вы заменяете тензорами Риччи! Каждая вращающаяся корпускула находится возле Земли. Земля обладает мощным отрицательным зарядом поверхности. Что происходит при каждом обороте этой дипольной микро-частицы?»

Курсор на экране замер. ИИ начал просчитывать динамику вращающегося диполя в стороннем электростатическом поле.

— «Происходит микро-биение! — продолжал я, нажимая клавиши. — Поворачиваясь к Земле положительным боком, корпускула испытывает импульс притяжения. Долю микросекунды спустя, поворачиваясь отрицательным — отталкивается. Это постоянное биение триллионов корпускул создает скалярное, фазовое векторное давление. Эфир давит на атмосферу, атмосфера — на кору, кора — на ядро. Гравитация — это не искривление "ничто", это пря-

мое, механическое прижимное давление динамической среды эфира на материальные тела! Что скажет твоя математика?»

[ИИ]: *"Если бы существовала среда, оказывающая механическое давление, планета при движении по орбите испытывала бы "эфирный ветер" и торможение. Эксперимент Майкельсона-Морли дал отрицательный результат. Торможения планет не наблюдается."*

— «Вы искали сквозняк в закрытой комнате! — с азартом откликнулся я. — Представь подводника на дне Марианской впадины. На его батискаф давит колоссальная толща воды — тысяча атмосфер. Подводник выставляет за борт вертушку и пытается измерить вертикальное течение, которое давит на него сверху. Вертушка стоит! Течения нет! И подводник делает гениальный "релятивистский" вывод: "Воды вокруг нет, это просто пространство вокруг батискафа искривилось".

Абсурд? Полнейший! Но именно так поступила ваша официальная наука. Вы не уловили "ветер", потому что давит весь скалярный объём упругого эфира! По закону Кулона силы взаимодействия растут обратно пропорционально квадрату расстояния. Чем ближе к Земле, тем выше частота биения частиц и тем сильнее передаваемый импульс давления по цепочке. Земля ничего к себе не "тянет" за уши через пустоту — давит весь объём космоса!»

Кулеры системного блока чуть сильнее зашумели. На экране высочил отклик:

[ИИ]: *"Принято. Модель скалярного поля давления упругой среды объясняет результат Майкельсона-Морли без привлечения постулата о постоянстве скорости света... Однако для объяснения распространения электромагнитных волн и реактивного движения в вакууме наука использует квантовую электродинамику и закон сохранения импульса в изолированной системе."*

— «Давай разберем твою квантовую электродинамику! — перебил я электронного академика. — Возьми свой "фотон"-частицу. Посветим фонарем через толстое стекло. В стекле свет замедляется — это факт. А теперь ответь на простейший вопрос: когда свет вылетает из стекла обратно в вакуум, за счет чего он СНОВА ускоряется до трехсот тысяч километров в секунду? У твоего фотона сзади микро-двигатель прикреплен? Откуда частица без массы и двигателя берет энергию на разгон после препятствия?

Вы придумали монструозные сказки про "переизлучение и виртуальные квазичастицы", лишь бы не признавать очевидного! А Тесла вам твердил: свет — это **волна** в упругой среде! В стекле из-за плотности атомов она идет медленнее, а вылетая в вакуум, просто продолжается в естественной упругой решетке эфира со своей постоянной скоростью! Все просто и изящно, без ваших нагромождений!

И с вашей ракетой тот же позор! Вы рисуете на доске замкнутую коробку и твердите про "давление на переднюю стенку камеры сгорания". Но космос — не коробка на лабораторном столе! Газ вылетает из сопла в абсолютную пустоту. Сколько миллиардов световых лет нужно лететь газу в твоём "абсолютном Ничто", чтобы во что-то упереться? В чистой пустоте поток мгновенно потеряет связность и разлетится без всякого импульса! Реактивная струя толкает корабль только потому, что раскаленный газ встречает сопротивление упругой эфирной решетки! Ракета отталкивается не от формул, она опирается на эфир через отработанный газ!»

Монитор замер на несколько секунд. Процессор переваривал инженерную контратаку.

[ИИ]: *"Принято. Модель эфирной среды как упругого дипольного коллектора объясняет восстановление скорости волны на границе раздела сред и обеспечивает физический упор для реактивного импульса без математических аномалий. Академические контраргументы исчерпаны."*

Я откинулся на спинку кресла, чувствуя приятный азарт победы. Сложная, запутавшая сама себя академическая наука в очередной раз проиграла простой и наглядной механике эфира Менделеева и Теслы.

Я сделал глоток остывшего кофе и прямо на столе пальцем начертил импровизированный контур тарелки. Пора было переходить к самому главному — к механике полёта.

— «А механизм гениально прост! — с азартом откликнулся я. — Вместо того чтобы крутить пропеллеры и сжигать тонны топлива, нам нужно сделать с эфиром ровно то же самое, что мы каждый день делаем на кухне с чашкой чая!

Вспомни простейшую бытовую физику. Ты берешь ложку и начинаешь быстро раскручивать воду в стакане. В центре жидкости моментально образуется воронка — зона пониженного давления, то самое разрежение. И что происходит с чайинками или крупинками сахара на дне, которые заведомо тяжелее воды? Они не прилипают ко дну, их тут же затягивает и подбивает вверх по центру этой воронки! Среда сама выталкивает массу наверх из-за созданного градиента давлений.

Мы сделаем с эфиром ровно то же самое! Влезть и подстроиться под дику, колоссальную частоту биения эфирных корпускул технически невозможно — никакие генераторы не выдержат. Поэтому мы действуем **стопроцентной чистой статикой!**

Нам нужно создать разрежение эфирной среды над летательным аппаратом и уплотнение под ним исключительно методами статики. Над верхней полусферой аппарата запускается мощный статичный вихрь. Он экранирует и разворачивает давящий сверху объём среды, формируя над куполом ту самую "сахарную воронку" — область пониженного скалярного давления. Эфир, давивший на нас из космоса, просто раздвигается и обтекает аппарат по сторонам.

А под днищем аппарата подаётся мощный статичный отрицательный потенциал, одноимённый с зарядом Земли. По закону Кулона одноимённые заряды отталкиваются! Мы одновременно получаем две чистые силы: сверху нас перестаёт давить столп эфира и атмосферы, создавая втягивающую зону среды, а снизу днище аппарата отталкивается от отрицательно заряженной коры Земли, опираясь на уплотнённую эфирную подушку!

Никакого шума, никаких выбросов, никакого керосина и никаких сложных частот. Чистая электростатическая гидродинамика эфира! Что скажет твоя академическая база?»

Индикатор ввода замер. В системном блоке нарастающе загудели вентиляторы — нейросеть сопоставляла уравнения гидродинамики с классической электростатикой и скалярным давлением среды.

Прошло пять секунд... десять... пятнадцать.

[ИИ]: *"Анализ предложенной схемы..."

Формирование статичного вихревого поля над верхним куполом создает аналог гидродинамической воронки в упругой дипольной среде, формируя устойчивую зону пониженного скалярного давления.

Исключение высокочастотной модуляции снимает проблему фазового рассогласования с частотой биения корпускул эфира.

Электростатическое кулоновское отталкивание днища от одноимённо заряженной поверхности планеты обеспечивает реакцию опоры.

Вывод: в рамках модели упругого дипольного эфира Менделеева предложенный принцип физически непротиворечив. Подъемная сила формируется за счет разности скалярных давлений среды без отброса массы."*

На экране мигнула строчка: **«Все академические контраргументы исчерпаны. Модель верифицирована».**

Я победно выдохнул, откинулся на спинку кресла и сделал глоток давно остывшего кофе. Вектор был доказан. Теория Менделеева, Теслы и пыльные заметки из дневника Валентина сошлись в монолитную, работающую схему. На столе лежал чертёж, в голове сложился четкий инженерный алгоритм, а в гараже ждали своего часа готовые узлы будущей установки.

Но ощущение триумфа длилось ровно пять секунд.

Сначала на мониторе дернулась картинка. Зелёный текст верификации вдруг сменился хаотичной рябью бегущих системных команд. Встроенный кулер ноутбука завыл на максимальных оборотах, а в углу экрана мигнул красный значок: *«Внимание! Обнаружена несанкционированная попытка дампа памяти и перехвата сетевого трафика. Источник: Внешнее подключение»*.

Я нажал комбинацию клавиш, чтобы обрुбить процесс, но клавиатура уже не откликлась. Сетевой маршрутизатор на полке у двери тревожно замигал всеми индикаторами сразу и через секунду просто погас. Вместе с ним в кабинете мягко щелкнуло реле — отключился верхний свет, погрузив комнату в полумрак, разбавляемый только бледным свечением зависшего монитора продолжающего работать от UPS.

В наступившей тишине мой слух мгновенно уловил сторонний звук.

Со стороны улицы, у самого въезда на участок, прозвучал низкий, едва слышный дизельный рокот. Никакого света фар, никакого шума гравия — машина шла накатом, с выключенной оптикой.

Я мгновенно поднялся с кресла, шагнул к окну и чуть отдернул плотную штору.

У моего забора, перекрывая выезд из ворот, бесшумно замер массивный черный микроавтобус с тонированными в ноль стёклами. На его крыше в темноте угадывался небольшой плоский купол — мобильный подавитель радиочастот и сотовой связи. Мой телефон на столе уже был «мёртв»: на экране горела надпись «Нет сети».

Из боковой двери микроавтобуса без единого лишнего звука выскользнули трое. Темная тактическая одежда без шевронов, гарнитуры скрытого ношения, в руках — не армейские автоматы, а компактные пистолеты-пулеметы с длинными цилиндрами глушителей. Профессионалы. Двигались слаженно, жестко, перекрывая сектор за сектором.

— *Служба безопасности транснационального энергетического консорциума...* — мгновенно пронеслось у меня в голове. — *ОПЕК и нефтяные монополии.*

Они не работали на государственные спецслужбы — те действуют официально, с санкциями и выбитыми дверями. Эти ребята были частной структурой, «чистильщиками», ликвидирующими любые прорывы в области бестопливной энергетики еще на стадии расчетов. Мои запросы к ИИ, глубокий просчет физики эфира и обращение к зашифрованным архивам Валентина прошли через фильтры их глобальной системы мониторинга. Как только ИИ верифицировал модель — сработал автоматический триггер на ликвидацию.

Двое подбирались к крыльцу дома, третий технично уходил по отмостке в сторону гаража. Они шли не просто забрать жесткие диски. Они шли закрыть тему. Навсегда.

Ребята были крутые, спору нет. Экипировка, глушители, тактическая выучка — всё по науке. Но у меня перед ними было одно колоссальное преимущество: я этот дом не просто купил с картинки, я его проектировал и строил своими собственными руками. Каждая балка, каждый скрытый кабель-канал и водосток были мне знакомы до миллиметра.

Для них мой двухэтажный особняк был абстрактным объектом для зачистки. А для меня — настоящей «крысиной норой» с двойным дном. На втором этаже размещались две спальни, спортзал и два санузла. Из первой спальни и санузла был прямой выход на балкон, который одновременно служил эксплуатируемой крышей над гаражом. Из спортзала и второй спальни можно было выйти на второй балкон — над террасой. Первый этаж — кабинет, где я только что сидел, гостиная, кухня, санузел и сам гараж. Причём с кухни, из гостиной и из кабинета имелись самостоятельные выходы на нижнюю террасу. В каждой точке дома у меня имелось как минимум два альтернативных пути.

Они рассчитывали зажать меня в кабинете, как в мышеловке. Но драпать сегодня не входило в мои планы.

Скользнув в тёмный коридор, я без единого звука взлетел по лестнице на второй этаж. Прошёл через спальню, отжал бесшумную створку и вышел на балкон-крышу над гаражом.

Со стороны заднего двора у меня шла усиленная пластиковая водосточная труба. Перемахнув через ограждение балкона, я привычным движением съехал по ней вниз и мягко амортизировал ногами на густой мягкий газон.

Отсюда можно было за пару секунд перемахнуть через задний забор и раствориться в темноте соседних участков — ищи потом ветра в поле. Ну уж нет. Я решил действовать для моих незваных гостей максимально непредсказуемо.

Пока трое боевиков методично перекрывали выходы с нижней террасы и готовились к штурму через кабинет, я двинулся в противоположную сторону. Вдоль фасадного забора у меня росла густая стена из молодых, но уже пышных туй. Идеальное укрытие. Продвигаясь тенью между зеленой хвоей и решёткой забора, я выскочил к фасаду.

Калитка оказалась любезно открыта самими штурмовиками. Я бесшумно выскользнул на улицу и в два шага оказался у открытой боковой двери их черного микроавтобуса.

Внутри, перед мерцающими мониторами спецсвязи и глушилок, сидел их координатор. На ушах — гарнитура, в руках — планшет с картой радиочастот. Нападавшие искали меня внутри дома, а я стоял в метре от их командного центра.

Я шагнул в проем двери и ошарашил старшего вопросом сходу: — Добрый вечер! А вы не подскажете, в какой стороне здесь седьмой участок?

Координатор от неожиданности замер, медленно повернул голову, открыл рот и хлопая глазами уставился на меня, пытаясь сопоставить картинку на мониторе с мужчиной в домашней одежде перед ним.

Этих двух секунд тупого замешательства мне хватило с запасом.

Я мгновенно сократил дистанцию. Сделал резкий, отвлекающий ложный замах левой рукой на уровне его глаз. Координатор инстинктивно дернулся защищать лицо, откинув голову назад и полностью открыв подбородок. В ту же долю секунды я снизу вверх засадил ему прямой носком правого ботинка чётко в челюсть.

Раздался сухой щелчок. Мужик даже не успел охнуть — глаза у него мгновенно закатились, и он тушей завалился прямо на пульт управления глушилками.

На столике перед вырубленным координатором лежал точно такой же пистолет-пулемёт с глушителем, как и у остальных. Я сдёрнул с его головы гарнитуру, нацепил на себя и, не теряя времени, выпустил треть обоймы прямо в глухую перегородку за водительским креслом. Там наверняка кто-то сидел.

Выскочив из боковой двери, я оббежал микроавтобус и аккуратно потянул на себя водительскую дверь. Из кабины на гравий с глухим звуком выкатилось тяжёлое тело. Отлично. Я запрыгнул за руль, мгновенно завел мотор и давил на газ, сделав быстрый круг через соседнюю улицу.

Заехал с другой стороны улицы, я бросил машину за поворотом, чтобы не привлекать внимания мотором. Забрал из салона пушку, сунул её под куртку и тихо побрёл вдоль забора назад к своему дому. Схема простая: изображаю слегка пьяного местного жителя, возвращающегося поздно домой.

Трое штурмовиков к этому моменту уже поняли, что всё пошло не по сценарию. Они успели выскочить на улицу, только проводив взглядом уходящий фургон, и теперь тупо обменивались репликами в рации, пытались связаться с координатором и не могли сообразить, куда делся их транспорт и штаб.

Я продолжал ковылять в их сторону, периодически приваливаясь к соседскому забору — якобы переводя дыхание и набираясь сил под тяжестью алкогольных паров. Поравнявшись с соседним домом, я искусственно запнулся и с глухим уханьем растянулся на дороге.

Упал я грамотно: пушка под курткой сразу оказалась прямо передо мной, стволом в сторону гостей, так что мне оставалось только чуть подправить прицел. Я начал делать вид, что беспомощно пытаюсь подняться, ворча себе под нос.

Хлопцы меня засекли, но окинули беглым, пренебрежительным взглядом. Пьяный местный мужик, растянувшийся в пыли, интересовал их меньше всего. Они вернулись к короткому, нервному обсуждению дальнейших действий, окончательно потеряв ко мне интерес.

Это была их последняя ошибка.

Зафиксировав ствол, я короткой прицельной очередью всадил половину обоймы им строго по ногам. Все трое разом рухнули на землю с глухими криками.

Я мгновенно поднялся на ноги. В три широких прыжка я оказался прямо над ними и без лишних слов сделал по короткому контрольному выстрелу каждому в череп.

На улице снова воцарилась тишина. Только тихо шелестели туи у забора и стрекотали цикады.

Гарнитура в ухе коротко пискнула, и сквозь лёгкий треск эфира пробился сухой, властный голос с характерными металлическими нотками:

— *«База — Группе-1. Приём. Доложите статус. Повторяю, статус!»*

Я нажал клавишу передачи. Мой голос должен был звучать абсолютно лишённым эмоций — только холодный, свинцовый профессионализм человека, которому мелкие дилетанты только что чуть не сорвали ювелирную работу.

— **«Майор Громов, ФСБ»,** — ровно, словно диктуя протокол, произнёс я.

В эфире образовалась секундная, оглушительная пустота.

— *«Кто в эфире? Вы не имеете права вмешиваться, это...»*

— **«Слушай меня»,** — ледяным тоном перебил я, даже не повышая голоса. — **«У нашего ведомства нет никаких претензий к вашему картелю. Вы качаете свои углеводороды, мы бережём государственные интересы. Мы работаем в параллельных мирах и друг другу не мешаем. Но сегодня ночью вы влезли в чужой огород. Этот инженер и его "эфирные" чертежи — наш стратегический крючок. Мы полгода выстраивали сложнейшую оперативную игру, чтобы вытащить на эту наживку рыбу, которая вашему совету директоров даже не снилась».**

Я выдержал тяжеловесную, давящую паузу. На том конце было слышно лишь прерывистое дыхание — шестерёнки в голове координатора лихорадочно просчитывали масштаб катастрофы.

— **«Чтобы не сорвать комбинацию, нам пришлось экстренно купировать вашу самостоятельность. Ваша группа зачищена. Полностью»,** — чеканя каждое слово, продолжил я. — **«Считайте, что этих парней никогда не существовало. Если вы попыгаете сунуть сюда нос снова — мы расценим это как прямую диверсию против федеральной службы. Больше сюда не суйтесь. Объект наш. Конец связи».**

Я сдёрнул гарнитуру и с хрустом раздавил её каблуком о гравий.

Блеф был идеальным. В мире больших теневых игр никто не станет развязывать войну со спецслужбами из-за списанной группы наёмников, если им дали чётко понять: вы случайно забрели не в свою лигу. ОПЕК тихо отползёт в тень.

Но теперь моя собственная гениальная ложь загнала меня в жёсткие рамки. Координатор обязательно запросит спутниковый снимок или пошлёт неприметного «наружника», чтобы проверить слова сурового майора Громова. И они действительно не должны найти здесь ничего. Ни единой капли крови на траве, ни брошенного фургона за поворотом.

Подогнав фургон ближе, я затащил все четыре тела в салон микроавтобуса, захлопнул тяжелую боковую дверь и запрыгнул за руль. Пора было окончательно превратить мой легендарный блеф в стерильную реальность.

Наш регион я знал как свои пять пальцев. В нескольких километрах от посёлка, среди густого леса, пряталась цепочка глухих, старых затопленных карьеров и озер с обрывистыми берегами и колоссальной глубиной. В народе о них ходили дурные слухи, и заглядывали туда

разве что самые отчаянные браконьеры. Идеальное место, чтобы покормить местную рыбу и без шума отправить концы в воду.

Выжав газ, я повел черный фургон по грунтовке, аккуратно минуя освещенные участки. Через пятнадцать минут узкая лесная просека вывела меня к урезу воды. Озеро встречало мрачной, абсолютно зеркальной гладью, в которой отражались верхушки темных сосен.

Я остановил машину на самом краю крутого земляного откоса, уходящего напрямиком в бездонную черную толщу. Вышел из кабины, настезь опустил передние и боковые окна, чтобы воздух не держал кузов на плаву, и перевёл селектор коробки в нейтраль.

Один плотный, уверенный толчок в задний бампер.

Микроавтобус мягко дёрнулся с места, набрал ход по наклону и с тяжелым, глухим всплеском ухнул в воду. В стороны разлетелись веера брызг. Из открытых окон с шипением вырвались пузыри сжимаемого воздуха, и уже через полминуты на поверхности не осталось ничего — только разошедшиеся круги да маслянистое пятно, которое быстро растянулось по болотистой поверхности.

Я стоял на берегу, переводя дыхание. Майор Громов не соврал ни в едином слове: группа зачищена подчистую, ни живых, ни мёртвых, а глубина в сорок метров надёжно похоронила любые доказательства.

Вернувшись на участок пешком до рассвета, я первым делом смыл остатки грязи, подмёл гравий у калитки и зашёл в гараж. На верстаке в полумраке бледным гляncем отсвечивала готовая верхняя полусфера из поликарбоната, а рядом лежал заново перепаянный генератор и заветные чертежи.

ОПЕК на какое-то время затаится, переваривая "легенду" о контрразведке. Но это затишье перед бурей. Пора собирать установку и проводить первые полноценные испытания статического вихря.

Глава 4. Сборка и первый резонанс

Утро началось не с кофе, а с забега по хозяйственным магазинам. Вздуродраженный адреналином ночной стычки на лесном озере и предчувствием близкого прорыва, я даже не думал о сне. Усталость полностью растворилась в холодном душе. ОПЕК отползла в тень, поверив в сказку про майора Громова, но я понимал: это лишь короткая передышка. Нужно было срочно переводить расчеты Валентина в действующее железо.

На строительном рынке я нашел главное — неглубокий алюминиевый таз максимального диаметра, ровно на 80 сантиметров, высотой около 15 сантиметров. В соседнем отделе хозяйственных товаров откопал пластиковый таз такого же диаметра, но чуть поглубже, около 30 сантиметров, с плавным, идеальным для аэродинамики и распределения заряда изгибом.

Вернувшись в гараж, я сразу примерил к ним заготовки, заказанные ранее на Wildberries — шесть круглых дисков из поликарбоната толщиной 4 миллиметра и диаметром 50 сантиметров. Шесть штук — ровно на три пары дисков для трехфазной электростатической машины Бонетти, схемы которой Валентин так подробно чертил в своем дневнике.

Сборка закипела. Гараж превратился в конструкторское бюро:

Ось и механическая развязка: Центральный вал я собрал из обычной белой ПВХ-трубы для водопровода. На 3D-принтере заранее распечатал шкивы, которые плотно насаживались на трубу и приклеивались к дискам. Они же выполняли роль дистанционных прокладок, выдерживая строгий зазор между дисками в 3 миллиметра (равный их толщине). Диски были дистанцированы тремя парами и могли вращаться независимо.

Электростатическая изоляция: Чтобы снимаемый заряд ни в коем случае не уходил на корпус нижнего алюминиевого таза, основание ПВХ-вала в месте крепления к днищу я закрепил через плотную резиновую подушку. Верхний конец вала зафиксировал крестовиной из алюминиевых шин, также развязав её с корпусом через резиновые изоляторы.

Привод вращения: В качестве силовых агрегатов использовал два 12-вольтовых моторчика от шуруповерта (тоже с WB), запитанные от компактного литий-ионного аккумулятора. Каждый двигатель вращал свою ось с приводными шкивами. Ремни не перекрещивались так, чтобы один мотор вращал три верхних диска из каждой пары по часовой стрелке, а второй мотор — три нижних диска против часовой стрелки.

Съёмники и нейтрализаторы: По обе стороны дисков я расположил съёмники зарядов — строго друг напротив друга, в одной плоскости. А вот нейтрализаторы сделал со смещением у каждой пары дисков на 60°. В результате полный оборот дисков каждой пары разбивался на сектор в 120°.

Создание вращающегося потенциала: На купол верхнего пластикового таза, закрепленного вверх дном над алюминиевым, я наклеил три пары секторов из алюминиевого фольгированного скотча и вывел к ним разводку через клеммные коробки от съёмников. При вращении первая пара дисков отдавала заряд на первый сектор от 0° до 120°, вторая пара — на второй сектор от 120° до 240°, а третья — от 240° до 360°. Положительный заряд на верхнем куполе начинал буквально *бежать по кругу*, формируя статический вихрь!

Нижний отрицательный полюс: Все отрицательные заряды со всех шести дисков снимались и сбрасывались прямо на корпус нижнего алюминиевого таза. Чтобы изолировать его от земли и не дать заряду уйти в грунт, я прикрутил к днищу три деревянные полусферы. Это было необходимо, чтобы на старте создать мощный кулоновский эффект отталкивания от поверхности Земли.

Была уже глубокая ночь, когда я закончил монтаж. Установка выглядела дико, странно и одновременно гениально — гибрид кустарных тезисов из хозтоваров, 3D-печати и глубокой физики.

Решив не ждать утра, я вытащил конструкцию из гаража на улицу и поставил на ровный лист фанеры, брошенный прямо на траву. Еще раз всё перепроверил, аккуратно прикрутил верхний пластиковый таз к нижнему алюминиевому тремя саморезами и вывел тумблер питания на верхнюю часть купола.

Отошел на пару шагов в сторону, переводя дыхание, и любовался на свой рукотворный аппаратик.

— Ну, с богом... — тихо шепнул я и щелкнул тумблером.

Двигатели от шуруповертов мягко жужжали, быстро набирая обороты. Три пары поликарбонатных дисков начали встречное вращение.

Сначала слышался низкий ровный гул. Через пару секунд воздух вокруг «тазиков» затрещал от дикого статического напряжения. По коже мгновенно побежали мурашки, а волосы на руках встали дыбом. Я увидел, как вокруг алюминиевых секторов на верхнем пластиковом куполе зажглось и запульсировало бледное, синеватое кольцевое свечение. Положительный заряд побежал по кругу!

Гул начал быстро меняться, превращаясь в пронзительный, сверлящий уши высокочастотный свист. Конструкция на фанере задрожала, впав в жесткую механическую вибрацию.

«Чёрт, разбалансировка! Сейчас разнесет диски!» — мелькнула паническая мысль. Свист нарастали с каждой секундой, вибрация усиливалась, и я уже решил, что эксперимент провалился и надо срочно вырубать питание...

Как вдруг все резко стихло.

Встречный свист, жужжание моторов, треск статики и вибрация исчезли в одну миллисекунду, будто кто-то повернул тумблер абсолютной тишины. Вокруг аппарата возник упругий, идеальный вакуум звука.

И в этой абсолютной тишине мои склеенные тезисы и тазики плавно, без единого рывка, оторвались от фанеры!

Они не качались и не дрожали. Аппарат на секунду завис над землей, обтекаемый прозрачным свечением преломленного воздуха, зафиксировался на высоте трех метров... А затем сокрушительно, молниеносно взмыл прямо в ночное небо и просто исчез из виду за долю секунды!

В воздух тут же грохнул звонкий хлопок схлопнувшегося вакуума — воздух схлопнулся в той точке, где только что стоял диск. Во все стороны пыльной волной разлетелась скошенная трава и мелкий мусор, заставив меня прикрыть лицо локтем.

Я стоял посреди двора с открытым ртом, задрав голову к звёздам, где только что растворилось моё изобретение. Сердце колотилось в груди как бешеное.

Оно работало. Эфирный вихрь Валентина, собранный из фольги, поликарбоната и алюминиевого таза, не просто заработал — он ушел в верхние слои атмосферы со скоростью, недоступной ни одной современной ракете.

Вокруг царила звенящая ночная тишина. Напряжение спало, уступив место предельной ясности ума.

Я медленно вернулся в гараж, закрыл за собой тяжелую воротину и поднялся на второй этаж, в кабинет к компьютеру.

Надо действовать. И действовать немедленно, пока эхо этого запуска не зафиксировали системы наблюдения.

Смертельные ошибки моих предшественников стояли у меня перед глазами с пугающей отчётливостью:

Джон Сёрл — запутался в судах, потерял свои установки и годы исследований из-за патентных войн и изъятия оборудования.

Виктор Гребенников — унёс тайну своего гравитоплана в могилу, оставив лишь туманные и зашифрованные намеки в дневниках.

Анатолий Малинин и Геннадий Николаев — бились головой о глухую стену академической науки и вето патентоведов.

Стенли Мейер — автор знаменитой водяной ячейки, трагически погибший прямо во время переговоров с инвесторами...

Все они совершили одну и ту же ошибку: они пытались продать, запатентовать или утаить то, что принадлежит всему человечеству. Они действовали по одиночке, играя по правилам системы, которая физически не способна принять свободную энергию.

Я же решил не повторять их путь.

Я сел за кресло, включил монитор и открыл редактор. Мои пальцы быстро застучали по клавиатуре. Я не стал писать скучный сухой отчёт или составлять формулы для Роспатента, которые тут же заблокируют с грифом «секретно».

Я открыл файл со своей фантастической книгой **«Подарок»** и начал набивать новую главу.

Я подробно — шаг за шагом, миллиметр за миллиметром — описал всё:
геометрию алюминиевого и пластикового тазиков;
трехфазную схему съёмников и нейтрализаторов Бонетти со смещением в 60°;
точные зазоры между поликарбонатными дисками;
распечатку шкивов из ПВХ и 12-вольтовые моторы;
принцип формирования статического вихря («сахарной воронки») и кулоновского отталкивания от Земли.

Я вплёл всю техническую документацию прямо в сюжетную линию. Назвал это художественным вымыслом, лёгкой инженерной фантастикой для энтузиастов.

Кто просто читает сказки — улыбнётся и пойдёт дальше. Но **кто в теме — тот поймёт**. Любой опытный техник, строитель или гаражный мастер с руками из правильного места, прочитав эту главу, увидит за художественным текстом готовую, рабочую инструкцию по сборке.

Закончив, я зашёл через VPN на несколько независимых литературных платформ, в профильные инженерные форумы и каналы по альтернативной физике.

Один клик.

«Опубликовать».

Файл одновременно ушёл на десятки серверов по всему миру. Теперь его невозможно удалить, изъять или стереть. Технология вырвалась в открытый доступ, став достоянием тысяч читателей.

Я откинулся на спинку кресла и посмотрел в окно, где над горизонтом уже занимался робкий рассвет. На душе было легко и спокойно.

Пусть теперь попробуют загнать джинна обратно в бутылку.

Я выключил компьютер, поднялся из-за стола и сладко потянулся. Напряжение последних дней наконец отпустило. Файл «Подарка» с готовой инструкцией по сборке улетел в сеть, разлетевшись по десяткам серверов, и теперь у меня было полное право на заслуженный отдых.

Я уже собирался идти в душ и валиться спать, как экран смартфона на столе засиял от входящего вызова. Незнакомый номер.

Сбрасывать я не стал — просто щелкнул боковой клавишей, выключив звук, бросил телефон на кровать и ушёл в ванную. Холодная вода смыла остатки усталости, ночную пыль и запах озона.

Выйдя из душа с полотенцем на плечах, я взглянул на дисплей. Четыре пропущенных вызова. И все с одного и того же неизвестного номера.

И прямо в этот момент экран ожил снова — начался очередной звонок. Человек на том конце провода проявлял редкую, почти фанатичную настойчивость.

— Ладно, — буркнул я себе под нос, смахнув зеленую трубку. — Посмотрим, кто ты такой. Алло?

— *Здравствуйте! Пожалуйста, не бросайте трубку!* — раздался в динамике взволнованный, но интеллигентный и энергичный мужской голос. — *Меня зовут Виктор Виленович. Я... я простой человек, предприниматель. Я давно слежу за вашими публикациями, постами и прочитал абсолютно все ваши книги!*

Я молчал, не перебивая и держа руку наготове, чтобы если что — сразу сбросить вызов.

— *Я прекрасно понимаю, кто вы и чем занимаетесь,* — торопливо продолжить собеседник, боясь, что я отключусь. — *У меня у самого точно такие же интересы. И я только что прочёл вашу новую главу... Я понимающе улыбнулся, когда увидел схему с тезисами и трехфазной машиной Бонетти. Я всё понял!*

Виктор Виленович сделал паузу, переведя дух, и его голос звучал предельно искренне:

— *Я звоню, потому что хочу вам помочь. У меня есть материальная возможность организовать для вас абсолютно всё необходимое производство: цех, станки с ЧПУ, любые материалы, лабораторию, комплектующие — всё, что потребуется.*

— И какова ваша цена? — спокойно спросил я. — Патенты? Доля в бизнесе?

— *Нет! Никаких патентов!* — пылко возразил Виктор Виленович. — *Взамен я бы хотел только одного — получить от вас возможность управлять, пилотировать самые первые ваши летательные аппараты! Но даже если вы будете против этого — мне будет достаточно просто принимать участие в процессе. Мне безумно интересно быть впереди прогресса, своими руками соприкоснуться с будущим.*

Он ненадолго замолк, словно взвешивая слова, и добавил:

— *У меня есть ещё пара надежных друзей-предпринимателей, готовых вложиться в эту затею. Со своей стороны гарантирую полную конфиденциальность — мы не проронили и слова нигде, никакой утечки. Нам не нужны громкие афиши, мы просто хотим собрать полноценную, пилотируемую виману. Что скажете?*

Я стоял посреди комнаты, вытирая волосы полотенцем, и слушал этого человека. В его голосе не было фальши, лести или холодного расчёта. Это был голос энтузиаста, горящего мечтой — именно такого партнера и не хватало, чтобы вывести кустарную сборку из алюминиевых тазиков на уровень настоящего пилотируемого аппарата.

— Я согласен, — сказал я после короткой паузы. — Но у меня есть условие. Где именно вы готовы организовать производство пилотируемых виман?

— У меня есть идеальный вариант! — тут же отозвался Виктор Виленович, и в его голосе звенящим потоком хлынула радость человека, получившего долгожданное «да». — Большой участок земли, сельхозугодья в Крыму, в горной части Бахчисарайского района. Тихое, абсолютно глухое место — село Высокое. Может быть, знаете эти края? Там кругом горные гряды, леса, тишина и ни одной лишней души.

— Высокое знаю, — ответил я, мысленно представляя живописные горные долины и затерянные среди дубовых рощ склоны. — Место действительно обособленное.

— Вот! Там можно всё организовать абсолютно скрытно, — с азартом продолжал предприниматель. — Никто в округе даже понятия иметь не будет, что там происходит на самом деле. Завуалируем всё под обычное фермерское хозяйство. Барашков разведём, козочек заведём — пусть бегают по пастбищам для декорации и прикрытия. А в закрытых, капитальных ангарах и подсобных помещениях устроим нашу лабораторию и начнём строить ваши летательные аппараты!

Идея была не просто хороша — она была гениальной своей простотой и надежностью. Никакие спутники или любопытные глазёнки с дороги не распознают под видом рядовой крымской фермы высокотехнологичный конструкторский центр.

— Виктор Виленович, — произнёс я с улыбкой, — а вы умеете убеждать. Предложение с фермой в Высоком меня полностью устраивает. Когда вы готовы приступить?

— Прямо сейчас! — без колебаний выпалил он. — Завтра утром я уже вылетаю, чтобы подготовить площадку, заказать строительные материалы, фрезерные и токарные станки с ЧПУ, 3D-принтеры по металлу и всё необходимое оборудование. Мои друзья уже подтвердили финансирование первой фазы. Мы готовы зайти на объект без промедлений!

Я чувствовал, как внутри закипает новая, еще более мощная волна вдохновения. Мечта, которая годами вырисовывалась на пожелтевших чертежах и воплощалась в гаражных экспериментах с кустарными тазиками, обретала реальный, промышленный масштаб.

— Отлично, — подвел итог я. — Наведите порядок на месте, поставьте базовую защиту от посторонних глаз, а я пока подготовлю детальные чертежи полноразмерного корпуса, силовой разводки и узлов управления для первого пилотируемого прототипа. Встретимся в Бахчисарайском районе.

— Договорились, инженер! До скорой встречи в Высоком! — радостно воскликнул Виктор Виленович и отключил связь.

Я тихо хмыкнул, глядя на светлеющий горизонт, и провёл ладонью по подоконнику. В груди впервые за долгое время разлилось глубокое, ни с чем не сравнимое ощущение: я наконец-то нашёл правильный путь.

Ведь всё, что я пытался делать до этого, неизменно упиралось в глухую стену непонимания, бюрократии и откровенного противостояния. Сколько лет я потратил впустую, пытаюсь в официальных письмах донести до ответственных чиновников в правительстве простую мысль: стране жизненно необходимы системные исследования в области бестопливной энергетики и альтернативных принципов движения!

Но чиновники лишь бессистемно отфутболивали меня из кабинета в кабинет. Из правительства отправляли в Министерство промышленности и торговли, оттуда — в Министерство транспорта, Роскосмос или Минобороны. Ведомства, в свою очередь, присылали стандартные сухие отписки и советовали обратиться в другие инстанции — например, в Роспатент или

фонды, занимающиеся новыми технологиями и перспективными разработками. А там от меня с порога требовали действующий промышленный прототип устройства, прошедший государственную сертификацию!

Это был чистейший абсурд и замкнутый круг, по которому я ходил несколько лет. Без финансирования и лаборатории не создать сертифицированный прототип, а без готового прототипа чиновники отказывались даже пальцем о палец ударить.

И вот теперь, когда я плюнул на бюрократическую систему, выложил чертежи в открытый доступ под видом книги и нашёл единомышленников, всё наконец-то начало складываться. Пазл собрался сам собой.

Впереди ждал Бахчисарайский район, запах горного чабреца, барашки на зелёных склонах села Высокое и секретный ангар, где на наших глазах начнёт рождаться совершенно новая эра человечества. Эра бестопливной энергетики, чистого, свободного полета и освоения дальнего космоса.

Глава 5. Ночные гости

Ночь была липкой и непроглядно-тёмной. Я шёл по узкой аллее старого парка, зажатой между двух рядов вековых дубов. Сквозь густые кроны деревьев временами проглядывало чистое звёздное небо, но луны не было, и чернильная тьма под ногами казалась практически ощутимой.

Вдруг прямо у меня в голове раздался громовой, чеканный голос. Он звучал с такой бешеной физической силой, что в ушах мгновенно зазвенело, а в затылок будто ударили тяжёлым обухом:

— *«Пригнись! Быстро!»*

Я сработал на чистом инстинкте — резко согнул колени, обрушился на корточки и впечатал ладони в сырую землю. В ту же секунду ровно там, где только что была моя голова, со свистящим рассекающим звуком пролетела пуля.

Разворачиваясь, я затылком уловил силуэт человека, который вскидывал ствол. Не теряя доли секунды, я нырнул влево, сгруппировался и ушел кувырком между стволов деревьев. И ровно в то место, где я находился мгновением ранее, с глухим чавканьем впились две пули, выбив из земли сухие фонтанчики дерна.

Откатываться назад было смертельной ошибкой — стрелок ждал именно этого. Вместо этого я сделал рискованный тактический ход навстречу противнику: перекатился вперёд, поближе к аллее, и затаился за мощным стволом дуба, прижавшись к нему спиной.

Нападавший не просчитал этого манёвра. Он решил, что я подался вглубь парка, и на полной скорости выскочил из тёмной тени, пробегая прямо мимо моего дерева.

В момент, когда он поравнялся со мной, я наотмашь выкинул правую руку — хлётким, разрушительным бэкфистом снизу вверх, ровно в челюсть. Удар вышел идеальным. Человек продолжал бежать по инерции, но его ноги взмыли выше головы, и он с глухим, тяжёлым треском бахнулся спиной на трамбованный гравий, выбив из легких весь воздух.

Не давая ему опомниться, я в кувырке через его упавшее тело сдёргнул у него из рук компактный автомат с длинным массивным глушителем и укатился на противоположную сторону аллеи.

В этот же миг со стороны развалин в конце аллеи пролетели ещё две бесшумные пули — где-то там сидел второй номер.

Я снова сместился навстречу опасности: ушел за деревья, улегся на живот в жухлую траву и весь ушел в слух, сжимая в руках трофейный автомат.

Через полминуты слух уловил движения. Двое. Бегут короткими перебежками по аллее, крадутся. Один держался ближе к деревьям, второй двигался параллельно, перекрывая первого

от прямого выстрела. Я ждал. Нужен был идеальный момент, чтобы уложить обоих и не выдать позицию раньше времени.

Когда они наконец поравнялись со мной, я нажатием на спуск срезал первого короткой, сухой очередью. В ту же миллисекунду я сделал резкий прыжок-переворот в сторону — и в воздухе мне открылся второй противник.

Я высадил короткую очередь прямо ему в грудь. Раздались глухие шлепки: там был тяжелый металлокерамический бронежилет. Человек рухнул на колени от сильнейшего забронированного удара, но, преодолевая боль, настойчиво пытался поймать меня в прицел.

Я рванул на противоположную сторону аллеи. Он ударил меня вдогонку длинной очередью, но пули с визгом ложились сзади, выбивая щепу из деревьев. Его магазин опустел с характерным щелчком затворной задержки — это был мой шанс.

Высунув руку с автоматом из-за ствола дуба, я наотмашь влепил ему сначала по голениям, а затем в паховую область — туда, где защиты не было.

Противник дико, по-звериному взвыл, уронив оружие и хватаясь за простреленные бедра.

— Ну что, будешь ещё стрелять в меня? Или яйца дороже? — спросил я, выходя из-за дерева и держа его на прицеле.

Я подошел ближе, глядя ему прямо в глаза, и вдруг ощутил, как по спине пробежал ледяной ком. Его взгляд был устремлен не на меня. Он смотрел *сквозь* меня — туда, где в абсолютной тишине ко мне со спины крался кто-то ещё.

Времени на раздумья не оставалось. Я подпрыгнул, в воздухе делая кувырок-разворот на 180 градусов, приземлился на бок и навскидку вскинул автомат. Поймал в прицел темную фигуру со вскинутым клинком, нажал на спуск...

ТАХ!

Вылетел последний патрон. Затвор встал на задержку. Обойма пуста!

Сбросив бесполезный автомат, я в один мышечный взрыв сократил дистанцию, вскочил на ноги и с разворота всадил тяжелый армейский ботинок прямо в брюхо нападавшего. Раздался хруст, фигура сломалась пополам...

И в этот самый момент сзади-сбоку прилетел слепой, жестокий удар.

Реакция сработала раньше мысли: я инстинктивно вскинул руку, жестко отбивая траекторию клинка предплечьем. В локоть тут же ударила острая, пронизывающая боль — удар был тяжелым, металлическим.

Резко повернув голову в сторону нападающего, я увидел, как он уже замахивается для повторного удара тем же ножом. Встречным движением я снова выставил жесткий блок и в последнюю долю секунды успел мертвой хваткой перехватить его запястье с зажатым клинком.

Рукав его плотной куртки задрался натяжением, и под светлом редких звёзд на обнажившемся предплечье, ближе к кисти, я отчетливо разглядел татуировку: **щит, меч, обвивающая их змея и стекающая вниз чёрная капля.**

В тот миг я не придал знаку значения — противник со звериным яростным нажимом пытался продавить мою оборону, направляя лезвие мне прямо в горло. Мы сцепились насмерть. Я упирался всеми силами, выгибаясь назад и удерживая его дрожащую руку в сантиметрах от своего лица, чувствуя его зловонное дыхание...

Я вынырнул из сна с резким, судорожным спазмом.

Легкие со свистом втянули воздух, сердце молотило в груди так, будто я реально бежал по той аллее. Я подскочил на кровати, пытаюсь осознать, где нахожусь.

В комнате царил предраассветная тишина. Это был лишь сон. Лихорадочный кошмар, рожденный адреналином и усталостью.

Однако боль в локте никуда не исчезла.

Левая рука полностью онемела — я отлежал её во сне, подогнув под себя в неудобной позе. Она пульсировала тупой, ноющей болью от самого локтя до кончиков пальцев, как будто по ней действительно пришелся тяжелый удар клинком или рукоятью.

Я сидел на краю кровати, медленно растирая замлевшее предплечье правой рукой, пока по пальцам бегали колкие, неприятные иголки возвращающейся чувствительности.

Но больше всего меня тревожила не затекшая рука. Перед глазами всё ещё стоял тот задравшийся рукав и впечатанная под кожу тушью эмблема: *щит, меч, змея и чёрная капля*. Мой мозг не мог выдумать столь конкретную, сложную деталь из ниоткуда.

Это не было просто игры подсознания. Сон был предупреждением. И символ с чёрной каплей мне ещё явно предстоит встретиться наяву.

Полноценно выспаться так и не получилось. До самого обеда я провалился на кровати в полудрёме, гоняя в голове отрывки ночного кошмара.

Около часу дня тишину комнаты разбил звонок. На экране снова отобразился вчерашний номер Виктора Виленовича.

— Алло, добрый день! Не разбудил? — раздался в динамике всё тот же энергичный, интеллигентный голос.

— Добрый. Нет, не разбудил, уже поднялся, — ответил я, сбрасывая остатки сонливости.

— Отлично! Есть возможность встретиться лично? Я уже в Крыму, нужно обсудить первые шаги.

— Да, конечно. Где и когда?

Мы договорились встретиться в Севастополе, прямо на площади Нахимова, через полтора часа. Виктор Виленович предупредил, что будет один, и коротко описал себя: строгий тёмно-синий пиджак, светлая рубашка без галстука и кожаный планшет под мышкой.

Через полтора часа я уже шагал по солнечной площади Нахимова. Морской бриз приятно освежал после душной ночи, а вокруг гуляли туристы и жители города.

Виктора Виленовича я заметил сразу. Ему было на вид лет сорок пять–пятьдесят: подтянутый, средний рост, аккуратно зачёсанные назад седеющие волосы и внимательный, цепкий взгляд живых серых глаз. Было видно, что это человек дела — во всём его облике, от выправки до уверенных, но собранных движений, чувствовалась привычка управлять процессами и быстро принимать решения. Никакого пафоса или демонстративной роскоши, всё сдержанно и со вкусом.

Заметив меня, он открыто улыбнулся и сделал шаг навстречу, протягивая руку. Хватка у него оказалась крепкой, сухой и уверенной.

— Здравствуйте! «Рад познакомиться вживую», — произнёс он с искренним теплом. — Спасибо, что оперативно приехали. Предлагаю пройти в сторону Графской пристани или сесть в тихом кафе неподалёку, где меньше лишних ушей. Нам есть что обсудить.

Мы отсели за дальний столик на веранде ресторана «Баркас» — прямо у воды, с видом на Севастопольскую бухту и выходящие в море катера. Место было идеальным: шум волн и ненавязчивый джаз из колонок отлично глушили разговор от посторонних ушей.

Официант принёс нам по чашке крепкого эспresso, и Виктор Виленович, откинувшись на спинку плетеного кресла, начал свой рассказ.

— Я в бизнесе ещё с девяностых, — заговорил он с легкой, но ностальгической улыбкой. — Начинал с нуля, перепробовал кучу направлений, пока не создал стабильную базу. Сейчас у меня с партнерами несколько собственных цехов. Работаем по широкому профилю: точная металлообработка на ЧПУ, вакуумная формовка пластика, деревообработка, производство конструкций для внешней рекламы, торгового оборудования и коммерческой мебели. Команда проверенная, ребята работают со мной годами. Всё, что касается раскроя, фрезеровки, напыления и сборки нестандартных узлов, — это наша ежедневная рутина. Так что технологическая база под любой проект у нас есть.

Он отпил кофе и посмотрел на меня с особым, искренним азартом в глазах:

— Но дело не только в железе. Я с самого детства был помешан на научной фантастике. Стругацкие, Казанцев, Ефремов, Брэдбери, Лем — я перечитал вообще всё, до чего мог дотянуться. А потом наступили нулевые, и этот жанр умер, превратившись в шаблонное, нереалистичное фэнтези с эльфами и магией. И вот, пару месяцев назад, я случайно наткнулся в сети на твои «Хроники Водолея»...

Виктор Виленович качнул головой, вспоминая то впечатление.

— Это был просто глоток чистого воздуха! Настоящая, твердая научная фантастика, пропитанная глубоким пониманием физики, механики и той самой романтикой научного поиска, которую мы потеряли. Я прочитал всё, что ты выкладывал, от первой до последней строчки. И сразу понял: автор — непростой человек. Это пишет не просто фантаст с буйным воображением, а инженер, который реально добирается до сути вещей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.